

Ежи Калишан

О сложных словах типа "месторождение", "местонахождение"

Studia Rossica Posnaniensia 6, 153-157

1974

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЕЖИ КАЛИШАН

Познань

О СЛОЖНЫХ СЛОВАХ ТИПА *МЕСТОРОЖДЕНИЕ, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ*

Известно, что ввиду существования в языке единой словообразовательной системы образование новых слов осуществляется не стихийно, а в соответствии с определенными, давно существующими в данном языке схемами. Вместе с тем можно найти немало образований, не подчиняющихся ни одному из общепринятых образцов, образований, созданных по нетипизированным, новым для языка моделям. В качестве иллюстрации приведем сложные слова типа *месторождение, местонахождение* и пр., представляющие собой замкнутую группу слов, характеризующихся не только словообразовательно-семантической общностью, но и тождеством первого компонента, восходящего к существительному *место*.

На первый взгляд, слова упомянутой группы не представляют ничего необычного. Их хочется поставить в один и тот же словообразовательный ряд, что и слова, возникшие по модели *деторождение, рукоположение, домостроение, словообразование* и др. В действительности же они не имеют ничего общего с вышеназванной моделью. Иллюзию словообразовательной общности таких, примерно, слов, как *деторождение* и *месторождение* создает лишь морфологическая однородность компонентов, в частности же, глагольный характер вторых основ. Однако, смысловой анализ этих слов подсказывает, что если первое обозначает *рождение детей*, то второе отнюдь нельзя понимать как *рождение места*, а как *место рождения*. Словообразовательную семантику второго слова позволяют понять другие слова той же группы: *местопребывание, местонахождение, месторасположение* и пр., где первые части сложных слов явно выступают в качестве независимых, опорных компонентов. Синтаксическая подчиненность второго компонента находит свое объяснение и в том, что отглагольное существительное, выступающее в качестве этого компонента, восходит не к переходному глаголу *родить*, как это бывает в случае *деторождение (родить, рождение детей)*, а к непереходному *родиться*. Если слово *деторождение* возникло на базе словосочетания *родить детей, рождение детей* и, следовательно, уходит своими корнями в синтакси-

ческие отношения сказуемого-глагола с прямым дополнением-существительным, то слово *месторождение* к подобному словосочетанию восходить не может, так как глагол *родиться*, ввиду его непереходности, не способен управлять винительным падежом без предлога. Слова типа *месторождение*, *местонахождение*, *месторасположение* связаны своим происхождением со словосочетаниями, между членами которых существует определительная связь: *место рождения*, *место нахождения*, *место расположения*. Так вот, компоненты *рождение*, *нахождение*, *расположение* в этих словах являются определяющими членами по отношению к первому компоненту. Таким образом, как это нетрудно обнаружить, главное, стержневое слово в вышеназванных случаях находится в препозиции по отношению к зависимому, определяющему слову.

Следовательно, сложные слова анализируемой группы построены по совершенно иной модели, чем слова типа *деторождение*, *рукоположение*. Если модель сложения в словах типа *деторождение*, *рукоположение* имеет вид „определяющее + определяемое”, где второй член восходит к переходному глаголу, то модель сложения в словах типа *месторождение*, *месторасположение* получит вид „определяемое + определяющее”, где второй компонент сложного слова восходит к глаголу непереходному. В этом-то именно и заключается различие между словообразовательной структурой слов обоих типов.

Казалось бы, что единственным фактором, связывающим сложные слова этих типов, является тот факт, что и те и другие представляют собой образования, возникшие в результате соединения при помощи связки „о” основ *дет-*, *мест-* и отглагольного существительного. Однако, на самом деле и это не так. Таково лишь происхождение слов типа *деторождение*, *рукоположение* и т.п. И в этом не приходится сомневаться. Что же касается слов группы *месторождение*, то они возникли сложением двух готовых лексических единиц и, следовательно, первым компонентом в них является не основа слова *место* (*мест-*), а само слово *место*. Это вызвано синтаксической независимостью слова *место* и его позицией, порядком по отношению к определяющему члену в словосочетаниях, которыми упомянутые сложные слова мотивированы. Таким образом, гласная „о” в этих словах по своему происхождению не простой „технический” элемент, какой обычно используется в словосложении в качестве прокладки между объединяющимися в одно слово корнями или основами, а остаток флексии именительного падежа существительного *место*.

Однако считать, что слова *месторождение*, *местопребывание* и пр. имеют по два окончания было бы, конечно, неверно. Элемент „о”, находящийся внутри данных слов, лишь только по происхождению восходит к окончанию, по функции же он является элементом деривационным, а не реляционным. Функционально он сходен с соединительной гласной, так как в связи с утратой им реляционного значения меняется его место и название в языковой системе.

Возникает вопрос: можно ли слова упомянутого типа отнести к разряду

сложных слов? Учитывая сказанное выше, следует прийти к выводу, что поскольку в образовании этих слов участвуют в качестве слагаемых не основы слов, а готовые цельноформленные лексические единицы, эти слова являются сложными лишь по своей морфологической природе, а не по способу образования. Все они образованы не сложением основ, а синтаксическим способом, состоящим в сращении, в слиянии в одно слово синтаксических единиц, представляющих собой постоянное словосочетание¹.

В новой академической грамматике современного русского литературного языка термин сращение определяется следующим образом: „Сращение — способ словообразования, отличающийся от сложения тем, что слова, образованные по этому способу, во всех своих формах по морфемному составу полностью тождественны синонимичному словосочетанию и, таким образом, синтаксическая связь этого сочетания сохраняется как живая связь в структуре мотивированного им слова”². Интересно, что в качестве примеров не приводится ни одно существительное, а образования типа *месторождение*, *местопребывание* наряду с такими, как *кораблекрушение*, *деторождение*, *рукоположение* отнесены, к способу сложения и, следовательно, первым компонентом является в этих словах основа *мест-*: „Особенно частотны сложения со следующими первыми компонентами: (...) с основой существительного *место* в сочетании с отглагольными существительными — названиями состояний: *местожительство*, *местопребывание*, *местоизрастание*, *месторасположение*”³. Такой подход к сложным словам названного типа (т.е. отнесение их к сложениям, а не к сращениям) мотивирован, по-видимому, тем, что отношение между частями этих слов не имеет полного соответствия в обычном синтаксическом построении (ср.: *место рождения*, но *месторождение*). Однако, как нам кажется, отсутствие этого соответствия вовсе не служит доказательством того, что эти сложные слова не могли возникнуть в результате сращения. Как известно, слово-сращение в отличие от слова-сложения возникает не в процессе словопроизводства, а в процессе употребления. В данном случае словосочетание *место рождения* преобразовалось в одно целое: *месторождение*, которое в процессе речи потеряло форматив релятивности во втором компоненте. Этому, по-видимому, способствовали, между прочим, действие фонетических законов (редукция гласных в заударных позициях), соответствие словообразовательных категорий (ср. дериваты на *-ение*, *-ание*), а также влияние синтаксических факторов.

¹ Способ образования слов типа *месторождение*, *местопребывание* не без основания можно было бы назвать словосложением, так как эти сложные слова возникли не сложением основ, а полных слов. Однако, во избежание недоразумений мы не будем пользоваться этим термином, ибо в языковедческой литературе он часто употребляется синонимично термину основосложение.

² *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва 1970, стр. 162.

³ Там же, стр. 162.

В русской лингвистической литературе редко упоминается о сращении как способе образования имен существительных, а те работы, которые затрагивают этот вопрос, приводят в качестве примеров такие образования, как *времяисчисление*, *времяпровождение*, *времяпровождение*, *кровопролитие* и немногие другие⁴. Такой подход, по-видимому, объясняется тем, что тут действительно, с точки зрения диахронии языка, срослись в единую лексическую единицу целые сочетания слов при одновременном сохранении в новом слове синтаксических связей, существовавших в базисном словосочетании. Однако, если исходить из положения, что сращения возникают не в результате сознательного творческого процесса, а в процессе речи, то упомянутые слова считать сращениями нельзя. С синхронной точки зрения они воспринимаются как сложения, так как порядок компонентов в этих словах полностью соответствует порядку компонентов в словах, возникших именно в процессе сложения (ср.: *времяпровождение*, *кровопролитие* — *водохранилище*, *жествоприношение*)⁵. Совсем другую картину представляют слова типа *месторождение*, *местонахождение*, где порядок синтаксически главного и зависимого членов в сложном слове является буквальным отражением порядка этих же членов в синонимичном словосочетании, являющемся производящей базой этого слова (ср.: *пролитие крови* — *кровопролитие*, но: *место рождения* — *месторождение*).

С порядком расположения компонентов в словах типа *месторождение*, *местонахождение* связана и та особенность, что главное ударение, поскольку в любом сложном слове оно закреплено всегда на последнем компоненте, падает в данном случае не на опорную часть, как это обычно бывает, а на неопорную. Для сравнения возьмем сложные слова *газоснабжение*, *воздухолетание*, *времяисчисление*, *кровопролитие* и *местонахождение*, *местоположение*, *местопребывание*, где, несмотря на порядок членов, схема ударения в обеих группах слов получает один и тот же вид⁶.

Согласно этим соображениям, модель образования слов *времяисчисление*, *времяпровождение*, *кровопролитие* и пр. — совершенно иная модель, чем та,

⁴ Н. М. Шанский, *Очерки по русскому словообразованию*, Москва 1968, стр. 269. См. также: Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Цалукевич, *Современный русский язык*, Москва 1971, стр. 187; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, *Справочник лингвистических терминов*, Москва 1972, стр. 388.

⁵ О переходе в разряд сложений слов типа *кровопролитие*, *кровообращение* свидетельствует и то обстоятельство, что они первоначально не имели в своем составе гласной „о“ (ср. *кровипролитие*, *кровиобращение*), а получили ее только под воздействием основной модели основосложения, характеризующейся наличием соединительного элемента о/е. (См. Н. М. Шанский, указ. соч., стр. 269.).

⁶ Не без влияния остается здесь также принцип глубинной структуры слова. Как известно, существительные с формантом *-ание/-ание* носят на себе ударение инфинитива, а в существительных с формантом *-ение*, за немногими исключениями (*видение*, *намерение*, *обеспечение*), ударение падает на первую гласную (т.е. „е“) данного форманта.

по которой возникли слова *месторождение*, *местонахождение*, *местопребывание*, *местоположение*, *месторасположение*, *местоизрастание*, *местожительство*.

Таким образом, можно прийти к выводу, что сложные слова типа *месторождение*, хотя внешне они напоминают слова, возникшие в результате сложения основ (ср.: *деторождение*, *словообразование*, *воздухотечение*), по сути дела представляют собой образования, полученные путем сращения соответствующего словосочетания в одно цельное слово.

ABOUT COMPOUND WORDS OF THE TYPE *МЕСТОРОЖДЕНИЕ*,
МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ

by

JERZY KALISZAN

Summary

Among compound words in contemporary Russian, one particular group is made up according to the formation of the type „*месторождение*” (deposit), „*местонахождение*” (location). The morphological structure of these words connects them with the words formed as a result of the union. In reality they are not compound words but concretions. As opposed to such compound words as, for example, „*деторождение*”, „*рукоположение*”; they are characterised by the preposition of the main part as regards the determining part, and also by the fact that they originate not in the result of the conscious creative process, like wordunions, but in the process of speech. On the other hand, for this very reason words of the type „*времяпровождение*” (pastime) „*кровопролитие*” (bloodshed), although in the majority of works on word formation, they are considered to be concretions from asynchronic point of view, we ought to refer to their formation, originating in the result of the composition.